

10.291к 7

А. БЛАГОВ

**ИЗБРАННЫЕ
СТИХИ**

ОГ 13

**ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО**

1944

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

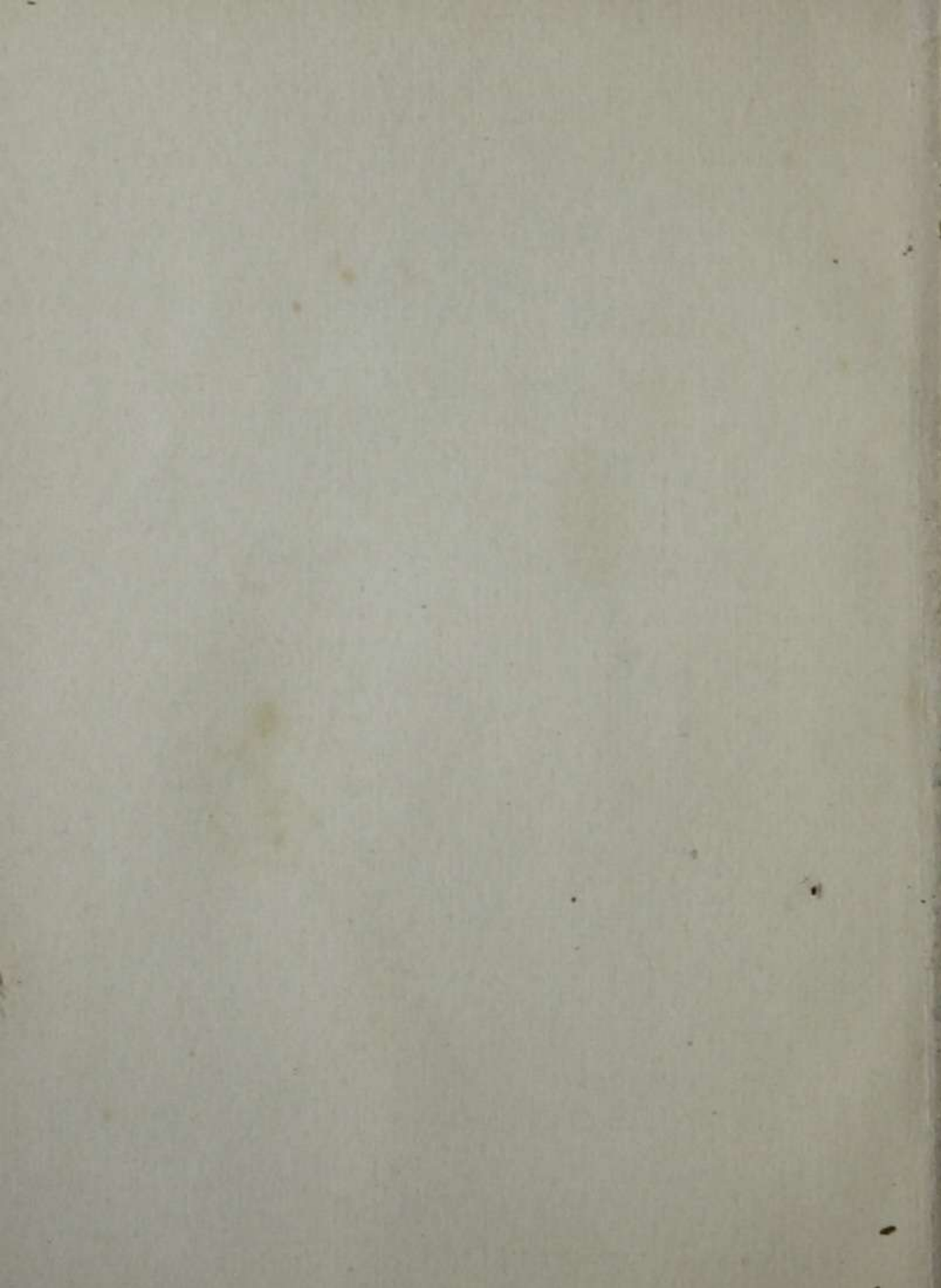
Колич. пред. выдач _____

7/5-7

Зачесть

Дорогому другу,
Дмитрию Николаевичу
Семёновскому,
с сердечной любовью
и признательностью

24/1-442. А. Г. Савин

A. J. L. 108

А. БЛАГОВ

Д. Семеновский
А. БЛАГОВ

10.291к
ИЗБРАННЫЕ
СТИХИ

91

2010

ОГИЗ
ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1944

Редактор Д. Е. Максимов.

*

Художник Б. Н. Лукин.

ПОЭЗИЯ А. БЛАГОВА

В декабре 1943 года исполняется шестьдесят лет со дня рождения рабочего Ивановской области, поэта-ткача Александра Николаевича Благова.

Имя Благова, как одного из выдающихся представителей пролетарской поэзии, известно советскому читателю. Уже более трех десятилетий Благов совмещает со своей работой на производстве литературные занятия. За время революции Ивановским областным издательством ОГИЗ и московскими издательствами выпущены семь сборников его лирических стихов. Из-под его пера вышли сотни стихотворений и свыше десятка поэм.

Среди поэтов, жизнью и творчеством связанных с русским рабочим классом, Благов занимает своеобразное место.

Благов не похож на тех пролеткультовских авторов, которые в первые годы после Октября утверждали свою монополию в области пролетарской поэзии нарочитым прославлением дина-

момашин и маховиков. Отвлеченные, оторванные от конкретной жизненной обстановки, боевые мотивы звучат в творчестве Благова также значительно реже, чем у многих из его соседей по пролетарской литературе. Благов далек от их романтической абстракции. Индустриальные и боевые темы теснее, чем у них, связываются им с бытом рабочих окраин, с житейской повседневностью, с фабричными трудовыми буднями.

Мир ранней поэзии Благова — это мир фабрик и рабочих кварталов с его людьми, с его социально-бытовыми отношениями, с его материальной плотью, вещами и машинами, с его пыльными и однообразными улицами, поросшими по краям крапивой и бурьяном.

Пасмурный образ этой грустной затаившейся жизни, наполненной большими и малыми горестями, бедной радостями, глядит на читателя со страниц произведений Благова, появляясь даже тогда, когда с этой жизнью связывают автора одни лишь воспоминания.

Скучны были на поселке зимы,
Молчалив осенний полусвет.
Дни, как тучи, пролетали мимо:
Улетят —
И в памяти их нет.

И в другом месте:

Гляжу задумчиво, несмело
Туда, в далекое жительство;
Как одиноко шелестело
Ты, детство бедное мое!

Но поэзия Благова не замкнулась в этом узком и сиротливом мире, о котором говорят приведенные стихи. Литературно-творческая жизнь Благова началась в эпоху первой русской революции, — в эпоху великого роста и подъема русского пролетарского движения. На фабриках и в рабочих лачугах стали появляться новые люди и произноситься неизвестные прежде беспокойные и жгучие слова. Мечта о лучшей жизни, о революции, о культуре разгоралась все ярче и освещала серые сумерки фабричных поселков. Пронеслась волна забастовок и протестов. Это общее движение увлекло с собою и Благова, пробудило его критическую мысль, подняло его сознание над бытом, вдохнуло в него благородную страсть к поэзии.

Судьба рабочего класса в полном смысле слова была судьбою Благова и его творчества. Читая его стихи, мы убеждаемся, насколько личным, кровным, интимным, житейски необходимым являлось для него каждое завоевание Октября.

Благов чутко и щедро откликается в своих стихах на великие события в жизни советского народа. Он пишет широко обобщенные декларативные стихотворения. Он славит советскую родину и Красную Армию, он громит фашистских мерзавцев. Но наибольших своих удач он достигает на тематически-ограниченных участках, в разработке частной, конкретно-бытовой темы. Его семейно-бытовые и фабрично-бытовые стихотворения и такие поэмы, как «Сад», несомненно, лучшие в его поэзии.

Скромно, не пугаясь «мелкой» темы, Благов выступает в этих стихотворениях защитником нового быта, дружной семьи, культурно-облагороженных отношений. В этих стихотворениях концентрируется опыт его трудной и бодрой жизни. Их мир знаком и привычен ему до последнего штриха. Все, о чем говорится в них, он видел, пережил, выстрадал. Здесь творчество тематически своеобразно, нередко — лирично и задушевно.

Одной из характерных особенностей поэзии Благова являются ее местные черты, ее связь с Ивановской областью. Творчество Благова показывает, что любовь к огромной советской родине неотделима от любви к «малой родине», к своему краю, к родному городу. И Благов выступает горячим приверженцем и верным пат-

риотом своих родных мест. Городское строительство в Иванове, день отдыха, проведенный в Ивановском парке культуры, быт Юрьев-Польского, природа Ивановской области — вот темы, на которых охотно останавливается Благов в своих стихах.

Благов — поэт-ткач, и то производство, которое он художественно изображает, есть основное, исконное, традиционное ивановское производство — ткацкое. Благов находит поэзию и красоту в ткацком деле, в белоснежных горах тканей, в движении ткацких машин. Он умеет показать, как будничная и обыденная работа ткача освещается на предприятии высоким сознанием того, что она нужна родине. Он складывает «Песню старого ткача» и «Октябрьскую песню ивановских ткачей». Несколько его песен переданы на музыку. Он обращается также и к истории революционного движения ивановских ткачей: пишет на эту тему поэмы «Вера Мялова» и «Талка». Много стихотворений он посвящает борьбе за дисциплину в ткацком производстве и разоблачению его дезорганизаторов.

Со стороны поэтического мастерства творчество Благова не всегда безупречно. Встречаются в его стихах «общие места», художественно-

неоправданные прозаизмы, штампы газетного стиля. В разработке некоторых стихотворений авторское задание, преднамеренность заслоняют непосредственное поэтическое переживание.

И тем не менее поэзия Благова в целом — значительное и живое явление. Она — неприкрашенное и правдивое свидетельство о тех путях, которыми шел русский рабочий от захолустного житья в фабричной слободке до жизни, просветленной социализмом. Читатель найдет в ней подлинную теплоту, сердечное движение, бодрое и молодое отношение к миру и чувство родины.

Лучшие стихотворения Благова бесспорно отвечают тому высокому требованию, которое он сам предъявляет к поэзии:

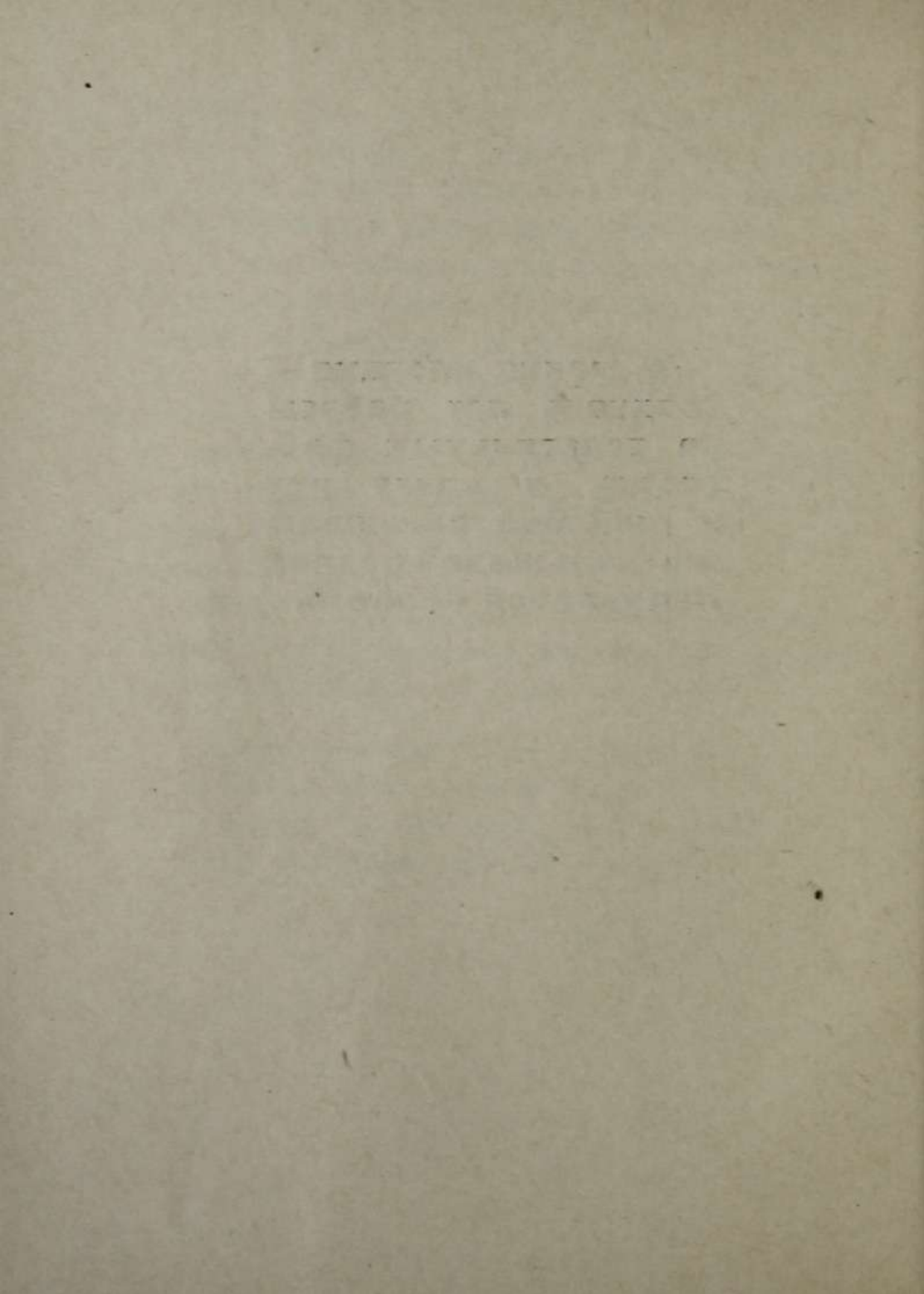
Нелегко найти слова и звуки.
Знаю — песня родине нужна
Только та, что спета не от скуки,
Не холодным сердцем рождена.

Д. Максимов.

Ноябрь 1943 г.

**За моими плечами —
тридцать лет работы
на текстильных фаб-
риках, и книгу эту
я любовно посвящаю
текстильщикам родной
Ивановской области,**

Автор.

БЕЗРАБОТНЫЙ

В холодный ветер, в снегопады
С утра по городу брожу,
И на фабричные громады
С глубокой завистью гляжу.

Не жалко сил, не жалко пота,
Лишь за станки скорей бы встать,
Чтобы мучительной работой
Тоску голодную унять.

Но от владельцев их богатых
Один мне слышится ответ,
Один убийственный, проклятый:
Работы нет... работы нет...

И вновь закрыты эти двери...
Рассыпья бранью иль молчи:
Тебя понять, тебе поверить
Не могут трутни-богачи.

1908 г.

СТОН ТКАЧИХИ

Посвящаю моей сестре, ткачихе М. Н.

Жарко. Голову всю разломило...
Ах, давно бы окно я открыла,
Чтобы ветром хоть чуть освежиться,
Да боюсь — будет мастер браниться:
Не велит он окно открывать —
Будет ветер основу трепать.

А уж день-то как нынче прекрасен!
Свод небесный безоблачен, ясен,
Солнце блещет, раздолье повсюду...
Убежать бы скорее отсюда
В поле, к речке, в долину, в лесок...
Да нельзя мне оставить станок.

Вон за речкою дети толпою
Собралися играть меж собою.
Вспоминаю, и я ведь, бывало,
За игрой обо всем забывала,
А теперь я — работница-мать:
Надо ткать мне, без отдыха ткать.

Жарко, душно, работать нет силы.
Хоть бы время скорей проходило...
Дома дети одни без призора...
Но гудят равнодушно моторы,
И проклятое время вперед
Все попрежнему тихо идет.

1910 г.

ХОЗЯИН

Был когда-то задушевым другом,
А теперь не знает, не зовет...
Новый домик над широким лугом,
И собака лает у ворот.
Ни души, ни света в переулке,
Только ночь да снежная парча,
Только ветер, мой товарищ гулкий,
Налетит, обнимет невзначай.
Не дал день ни хлеба, ни работы
И пони́к в тумане, темен, глух...
Постучал бы к другу я в ворота,
Да не встретит по-былому друг.
Нет, уж лучше пусть я, как бродяга,
Эту ночь без крова проведу,
Исхожу слободку тихим шагом
У печальных дум на поводу.
Спи, хозяин, твой покой надежен.
Спи, довольный домом и женой.
Ты от друга крепко отгорожен
Этой новой собственной стеной.

1917 г.

ОТЪЕЗД

(Отрывок)

I

... Я повторял: «Село мое, прости,
И улицы моей родная глина,
Где осенью немыслимо пройти,
Где вязнут и колеса и скотина,
Но где играл когда-то в детстве я.
Прощайте, детства резвые друзья.

II

Прощайте, избы, крытые соломой,
(На ладан дышат многие из вас),
Отчаянных дворняжек лай знакомый
И петухов напевы в ранний час,
И звон церковный — жалкая отрада
Для стриженных овец христова стада.

III

Я покидал надолго отчий дом
И все, что было близко и любимо.

Тащи́лась кляча пегая с трудом
Просторами полей необозримых,
Просторами, которых — только год —
Себя назвал хозяином народ.

А

Вот и река с едва живым мостишком...
Придет черед, — построим и мосты!
И будут люди счастливы с излишком...»
Так уходил я в светлые мечты.
Меж тем дорога поднималась в гору,
К сосновому приветливому бору.

V

Люблю тебя, дремучий, темный бор,
И звон весны и твой покой осенний.
Ветвистых сосен скромный разговор
Милее всяких модных сочинений,
Что и в стихах и в прозе иногда
Встречались нам в последние года.

VI

Ах, успокойся, критик ядовитый,
Ведь ты сидишь не с книгой за столом;
Весь этот путь, ухабами изрытый,
Наверно век с ремонтом не знаком:
Ворчит телега жалобно и строго,
И седоку покоя тут немного.

VII

Слезай, пока костей не поломал,
Забудь на время о красе дремучей...
О, край родной! Как тяжело ты страдал,
Как долго над тобой носились тучи;
Ухабы всех проселочных дорог
Давно вошли в число твоих тревог.

VIII

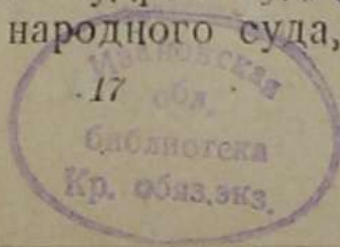
Твоей судьбой, под видом разной власти,
Двуногая распоряжалась мразь.
Она свое лишь создавала счастье,
Она жрала, плодилась, гордясь
Крестами, брюхом, «знаменитым родом»
Да дикими расправами с народом.

IX

— Рабочий люд, известно, — вахлаки.
Начальство знает, что для них потребно:
Воловий труд, соборы, кабаки;
Тяни косушку и служи молебны.
А кто случайно наживет ума,
Для тех готовы ссылка и тюрьма.

X

Но срок пришел — начальников не стало,
Рассеялась их свора навсегда:
Кто половчей — удрал куда попало
От строгого народного суда,

Другие из своих владений прямо
Отправлены на лоно Авраама.

XI

Счастливый путь! Парите в облаках...
Мы на земле построим наше счастье:
Оно живет в мозолистых руках,
Оно в труде, оно в народной власти;
Мы до него надеемся дойти
По ленинскому верному пути.

1918 г.

Е И

Опять не вяжутся слова,
Чтобы разлад сменить любовью,
Опять от горького безмолвья
Моя кружится голова.

Я весь открыт, я слишком мало
Перед тобою виноват,
Но ты не хочешь, как бывало,
На друга бросить добрый взгляд.

Пора весны проносит мимо
И ласку ветра и цветы,
А мне улыбки нет любимой,
Сердечной прежней теплоты.

Где мы оставили — не знаю —
Согласной жизни рубежи:
Скажи мне, близкая, родная,
Моя далекая, скажи!

1920 г.

ЛЮБИМОМУ КРАЮ

Отдам весне мои досуги,
Веселой песней встречу май.
Я полюбил твои округи
В тени лесов, фабричный край!
Поля, деревни по курганам,
Леса вблизи, леса вдали
И даль, где розовым туманом
На рощи небеса легли.
Цветут долины в теплой неге,
Слетает ветер-тиховей
На полосатые разбеги
Уже распаханых полей.
Лесов зубчатая ограда,
Реки стальная полоса.
Из темных сосен, как из сада,
Глядят гиганты-корпуса.
Любимый край, мой край привольный!
Идешь, идешь под синевой...
В лицо целует ветер вольный,
И песни птиц над головой.

1924 г.

ПОЭТ-СТАРИК

Проходит жизнь...
Читает взгляд
Ее судьбу, ее итоги:
Вдали на пройденной дороге
Лишь вехи черные стоят.
В глухое время в путь я вышел,
На ощупь шел,
В потемках жил,
Свободных песен не сложил
И от друзей моих не слышал.
И вот теперь, на склоне лет,
Я вижу жизнь,
Я вижу счастье,
Как после долгих дней ненастья
Горячий солнечный привет.
В его лучах душа поэта
Весенним садом расцвела,
И мне милее старость эта,
Чем раньше молодость была!

1925 г.

ДРУЖБА

Иду один. Кругом поля.
Куда ни глянь — простор нарядный.
И песню запеваю я,
Любуясь ширию неоглядной.
Обвита клевером межа,
От зноя полдня все безмолвней...
На твой, деревня, урожай
Смотрю я с радостью сыновней.
Пора жнитва недалеко,
Все поле — золотые соты.
Здесь будет усталь велика,
И весел отдых от работы.
От этих солнечных полос
Мой путь — на фабрику родную,
Там песню я спою иную
Под гул шлифованных колес:
«Деревня, вот мои полотна!
Красивый шей себе наряд;
Носи, надейся — будут плотны,
Тебе их ткал рабочий брат!»

1925 г.

ДУМЫ ЗА СТАНКАМИ

I

Простилась, помню, днем лучистым
Со всем, что родиной звала,
И за любимым гармонистом
В дорогу дальнюю пошла.
Фабричный незнакомый город,
Мощеных улиц вечный гул
Мне заменил полей просторы,
Село на волжском берегу.
Бежали годы, жизнь бежала,
Станки гремели, звал гудок,
И было радости так мало,
Так много горя и тревог.
В день долгий за трудом истома.
Да злая ругань мастеров...
Была мне школа незнакомая,
И чужды книги и перо.
Споет гармонь в глухой квартире,
Споет печально, как на зло,
И станет темно в целом мире,
И станет сердцу тяжело...

II

«Другое время. Жизнь другая.» —
Мне говорит фабричный шум,
И я, работница простая,
Узнала счастье новых дум.
Глаза следят за тканью белой,
А в сердце — книжка и тетрадь, —
Ведь не могла я, не умела
Словечка даже прочитать.
Былой туман теперь растаял,
Пропал его тяжелый след:
Я мысли Ленина читаю,
Я — грамотейка в сорок лет!
И дома — новое навстречу, —
Мой гармонист уже не тот,
Под звон ладов в свободный вечер
Не те и песни он поет.
Припомню ласковые звуки —
И весел день рабочий мой,
И расторопней ходят руки
Над полотняною волной.

1925 г.

ПРЯДИЛКА

У окна моя машина
День встречает золотой.
Виснет пряжи паутина
Над железной бороздой.
Я пришла с зарею яркой
На работу в самый срок,
Лишь пропел над кочегаркой
Переливчатый гудок.
С новой силой после ночи
Я за дело принялась:
Закружилась, что есть мочи,
Шестерен стальная вязь.
Счетчик метит обороты,
Пряжа крутится, спеша.
За привычную работой
Песней полнится душа:
Вы свивайтесь без остатка,
Нитки тонкие мои!
Я прядилка — кандидатка
В члены ленинской семьи!

ПЕСНЯ ТКАЧА

Будильник — друг, не измени:
В четыре к смене зазвени.
Не жди, когда споет гудок, —
Буди, кричи в рабочий срок.

Мне не забыть — случился грех —
К станкам пришел я после всех:
В душе обида, точно лед,
А стыд лицо пожаром жжет.

Друзьям в глаза я не взглянул,
Я весь ушел в железный гул;
Хотелось вдвое быть ловчей,
Чтобы догнать других ткачей.

Я отдохнуть не смел, не мог,
Мгновенье каждое берег,
Всю смену видел лишь одно —
Белее снега полотно.

И как же мне беспечным быть,
Свою работу не любить,

Когда к труду меня зовет
Один хозяин — мой народ!

Будильник — друг, не измени:
Как раз в четыре зазвени,
Чтоб не жила в груди тоска,
Чтоб радость пела у станка.

1925 г.

ДЕНЬ ОТДЫХА

Какие тут стихи сегодня!
Бросаю все свои дела, —
Ведь не сосед какой, не сродник, —
Весна на праздник позвала.

И в корпусах сегодня тихо;
Гудкам призывным не звучать.
Принарядись, моя ткачиха,
Погодке ласковой под стать.

Взгляни на город: весь он вышел
Встречать весеннее тепло.
В огне лучей сверкают крыши,
Сверкает камень и стекло.

Зовет и манит сад рабочий,
Наш молодой кудрявый сад;
Где трубы медные до ночи
Родными песнями гремят.

1926 г.

НА ФАБРИКЕ

День рабочий взошел в корпуса,
Он расправил широкие плечи:
Засверкали ремней пояса,
Загremели железные речи.

Белоснежные ткани бегут,
Словно лебеди, крыльями машут,
А кругом, как цветы на лугу,
Молодые работницы наши.

Тихим ветром овеян станок.
Листья-кудри в пунцовом уборе...
Не затем ли и красный платок,
Что на сердце весенние зори?

1926 г.

☆☆☆

Вдали отрадно и светло —
Не быть былому бездорожью.
И я, годам моим на зло,
Шагаю вместе с молодежью.
Я не был юностью согрет.
Но не вернется жизни холод:
Сегодня — в сорок с лишком лет —
Я первой молодостью молод.

1926 г.

ЗА МАШИНОЙ

Работай, цех отбельный мой,
Для жизни новой, для свободы:
Кружитесь, вольные приводы,
Легко и дружно надо мной.
Слежу за быстрым бегом вала.
Мое внимание все — труду,
Чтоб ткани белой на ходу
Моя машина не порвала.
И мысль одна мне дорога,
Она крепка в рабочем стане:
Что каждым метром нашей ткани
Мы беспощадно бьем врага.
Я за машиной — на посту,
И чувства радости безбрежны,
Когда кругом меня растут
Холмы полотен белоснежных.
Звени, гуди, отбельный цех,
Кружитесь, вольные приводы:
Еще светлее дни свободы
Придут для каждого, для всех!

1927 г.

ЖЕНЕ

Сколько лет ведут машины
Речи шумные с тобой!
На лице твоём морщины,
Не с того ли, друг ты мой?

Да и мне поют моторы:
«Где весны твоей огни»?
Стариком, пожалуй, скоро
Назовут меня они.

Что ж за горе? Знаем сами,
Юность где-то далеко.
А с работой да с годами
И железу не легко.

Но, последний день встречая,
Скажем, друг, с любовью мы:
Что и нам, как утро мая,
Улыбнулся новый мир.

1927 г.

* * *

Разгони случайную кручину,
Огневой, разливчатый баян!
Ветер клонит красную рябину,
Над рекой нахмурился туман.
Осень, холод... Что за дело?... Пусть их...
Не завянет сердце под дождем:
В прожитое взглянем мы без грусти,
В нежитое весело пойдем.
Запевай, — не все еще пропето...
Не стареть, не глохнуть, не тужить:
Молодую родину Советов
Только недруг может не любить.

1927 г.

ПОД ГИТАРУ

Пролегла в мое окошко
С неба светлая дорожка,
Заалел в каморке тесной
Луч весны чудесной.
Пой, играй, моя гитара,
Пусть там скажут: «Хрыч-то старый
Разгулялся, смерть почуя...»
Слушать не хочу я!
В дни, когда весна у двери,
Я годам моим не верю:
За плечами жизни осень,
В сердце — двадцать весен.
Пролегла в мое окошко
Звонкой радости дорожка,
Пойте в лад с природой юной,
Говоруны-струны!
Пойте вместе с жизнью нашей,
Что весны и солнца краше, —
С жизнью вольной и богатой,
Нами с боя взятой.

1927 г.

• СЕСТРА

Куски суровых миткалей
И на концах — клеймо «Писцово»...
И вот в груди проснулась снова
Мечта о родине моей.

Смотрю: не этот ли кусок
Моя сестра недавно ткала?
Склонялась грудью на станок
И нити тонкие вдевала.

А за окном цвели поля,
Сверкали солнечные дали,
И пробуждались, и дремали
В саду фабричном тополя.

На путь-дорогу бросив взгляд,
Быть может вспоминала брата,
Что в дальний край ушел когда-то
И потерял пути назад.

Забыл поля, забыл просторы,
Оставил всё, едва подрост:

В многоголосый людный город
Нужду и молодость унес.

Ах, полно, не грусти, родная,
Не вспоминай минувших лет:
В стране от края и до края
Забытых счастьем больше нет.

1927 г.

НА РОДИНЕ

Вот она, знакомая околица,
Что пятнадцать лет меня ждала.
Разомлела улица от солнца,
Пыльный путь шагает вдоль села.

Колокольня с куполом зеленым,
И она стоит еще пока...
Старики — согнувшиеся клены
Поклонились мне издалика.

Там — полей крутое изголовье,
Темный лес да волны на лугу...
Что в душе, — не знаю. Но любовью
Я назвать то чувство не могу.

Помню детство бледное, босое, —
Беспокойно пролетевший сон...
Гнется мать над тощей полосой,
Душным зноем воздух напоен.

По полям — безмолвная дорога.
Поздний вечер звезды-огоньки
Зажигает медленно и строго.
Чья-то песня плачет у реки.

Низкие, убогие избенки
Прямо в сердце жалобно глядят
Словно нелюбимого ребенка
Полный грусти одинокий взгляд.

На путях довольства и свободы
Вижу я родимое село,
А судьбой обиженные годы
Вспоминать все также тяжело.

1927 г.

ДРУЗЬЯМ

Встанут в памяти давние годы —
В песню злая вольется строка:
За густой пеленой непогоды
Не заметишь звезды огонька.

Неприветлива жизнь молодая,
Не зовет на себя посмотреть...
Пожалел бы ее, да не знаю
За какое добро пожалеть.

Не забыть, как она блуждала
По бурьяну... Зачем и куда?
За кабацким столом отдыхала,
Чтобы после гореть от стыда.

Навещала и песня порою:
Приголубит на миг, обоймет,
Под конец растрожит тоскою,
Нелюбимой, забытой уйдет.

Греет солнце дорогу другую.
Обновленные вижу края.

А сказать, все равно, не могу я:
Здравствуй песня — удача моя.

Хочешь славить свободную долю,
В сердце — пламя, а песня бледна,
Потому, что без счастья, без воли
Отцвела моей жизни весна.

1927 г.

СВЕТЛАЯ ДУМА

Разгулялась за окошком вьюга шумная.
Снеговую пыль метлой метет...
Муженек-то мой, — головушка разумная,
До полуночи домой нейдет.

Для того ли, молодая, за тебя я шла,
Чтобы дома мне сидеть одной,
Чтобы доле я замужней
Да слугой была,
Тосковала по семье родной?

На собранья, заседания,
Мой сердечный друг,
Ты зачем, скажи, идешь один?
Не боюсь я ни морозов,
Ни метельных вьюг,
Много силы у меня в груди.

У меня в груди пожаром разлились огни,
Разлились напевы звонкие.
Ах, не думай, что я буду воевать все дни
С чугунами да с пеленками!

Слышу, вижу: посылает мне поклон-
привет.

Жизнь другая, сердцу близкая:
Зацвету я, молодая,
Как весенний цвет,
Когда стану коммунисткою.

1928 г.

СОСЕДКА

Мы с тобой покуда не знакомы
И встречались только у станков,
А живешь ты в этом новом доме,
Что немного ниже облаков.

По соседству встала врассыпную
Низкорослых домиков семья.
На сады, на рощу голубую
Засмотрелась комната твоя.

О тебе мечтаю я нередко,
Проходя по улице родной:
Не следит ли милая соседка
Из окна высокого за мной...

Может словом теплого привета
Мой листок недаром шелестит:
Может быть случайно песня эта
У тебя минутку погостит.

1928 г.

РОВНЯ

Две жизни мы связали вместе,
А жизнь на родине — весна.
И мне, и ей, моей невесте,
Судьба грядущая ясна.

На целый век открыты взгляду
Пути свободного труда.
И не порвут борьба и радость
Великой дружбы никогда.

Мы с нею ровня, да такая,
Что я сказать об этом рад:
Она — ткачиха родовая,
А мне станок — любимый брат.

1928 г.

ПОСЕЛОК

Наше время светит по-иному,
Подружились с нами города,
Посмотри —
Бегут от дома к дому,
Рассекая ветер,
Провода.

Скучны были на поселке зимы,
Молчалив осенний полусвет,
Дни, как тучи, пролетали мимо.
Улетят —
И в памяти их нет.

А теперь встречаем вечер темный,
Словно гостя: проходи вперед!
Говорливый радиоприемник
В каждом доме речи заведет.

На березах белые повязки,
Как стекло, пригорки у двора,

Только нынче даже про салазки
Забывает часто детвора.

И напрасно в слободе соседней
Ждет пивная развеселых дней:
Скоро, скоро песнею последней
Прошумит метелица над ней.

Полюбили старики и дети
Слушать вести радио-волны:
Что творится на широком свете,
Все сегодня знать они должны.

И мила им песня молодая —
Верный друг досуга и труда:
Прозвучит сердечная, простая
И к душе привьется на года.

1930 г.

ВОПРОС

Мой несчастный, бедный обыватель,
Как тебе, дружок, не горевать?
Полиняла краска на кровати,
Где возьмешь ты новую кровать?

У тебя муки нехватит на год,
Не жирна баранина во щах...
Как несешь ты столько разных тягот
На своих измученных плечах?

Шут с тобой...
Сиди, кормилец, дома
Иль базару отдавай досуг,
Где любая сплетница знакома,
Каждый встречный — закадычный друг.

Все тебе бы обвинять кого-то,
Зло смеяться и махать рукой:
«У людей счастливая работа
И трудом не купленный покой.

Говорят: мы строим жизнь иную...
Эта жизнь, известно, не для нас,

Эй, приятель, завернем в пивную —
Пить, так пить, никто нам не указ.

Пусть живут.

А мы своим манером —

По примеру деда и отца...

Чтобы сын мой вышел пионером? —

Лучше в воду сунуть сорванца.

В цех приходишь —

Новая забота, —

Как свое, чужое береги,

Точно, в срок явися на работу,

Опоздать часочку не могли...»

Друг ты ситный,

На меня не сетуй,

Сам себя обидой не тревожь,

Но ответь:

С политикой вот с этой

До какой ты станции идешь?

1932 г.

ДОМ КОММУНЫ

Я в этом доме гость заезжий,
Но здесь кругом своя среда.
Волной привета ветер свежий
Меня поит как никогда.

Встречаю дни, смотрю на лица
И осень кажется весной,
Открыта лучшая страница
Чудесной книги предо мной.

Наполнил емкие подвалы
За-вёдро снятый урожай.
Зима, пушистым покрывалом
Хоть завтра землю обряжай.

Но осень держится упорно,
И нам бранить ее не след:
В квартирах светлых и просторных
В любую пору скуки нет.

Для гостя — яркая беседа,
Спокойный отдых и ночлег;

Дает мне место за обедом
Семья в три сотни человек.

По вечерам пишу часами.
А утром — только со двора —
Серебряными голосами
Меня осыплет детвора.

К себе зовет. И в мире этом,
Здоровом, радостном, живом,
Хотелось быть бы не поэтом,
А самым резвым малышом.

Гляжу задумчиво, несмело
Туда, в далекое житье;
Как одиноко шелестело
Ты, детство бедное мое!

Какой лежал на сердце камень
Тоски, обиды жгучий ком,
Когда с котомкой за плечами
Ходил я в села за куском.

Когда дьячок, науки ради,
Нам чепуху святую нес
И пятерней вливался в пряди
Густых ребяческих волос.

Довольно, память!
Всё ли будем
Припоминать, что было там?..
Привет, счастливым этим людям,
Счастливым детям и отцам!

1934 г.

КАВКАЗ

В день и в ночь
Неустанно врезается скорый.
На степные разбеги
Любуется глаз.
Пролетают курганы,
Встречают просторы,
Тополя Украины
И дымный Донбасс.
Долго сердце просилось
К дороге дальней.
Как отраден
Ее разноцветный полет!
Трубы подняты в небо...
Да степи...
И жаль мне,
Если ночь от окна оторвет.
По азовскому зеркалу
Легкий парус
Уплывает в туманную пелену...
Многоглазые стены
За ярусом ярус

Поднимает Ростов на Дону.
Дальше — звезды и сон.
А когда рассветало, —
Небо хлынуло в окна
Чистейшей водой, —
Мне знакомые строки
Напомнил Бештау,
И с Машука пахнуло
Минувшей бедой.
Здесь порвалась
Мятежная песня поэта.
Здесь предательский выстрел
Его подстерег...
На великие чувства
Искал он ответа,
Но и дружбы надежной
Найти он не мог.
Мы свободные люди.
К долинам и склонам,
Мы, как гости, приходим
К тебе, Кавказ.
Нас привольные рощи
Встречают поклоном,
Великаны седые
Приветствуют нас.
Из Сибирской тайги,
От песков Туркестана,

Отовсюду спешим мы
Сюда отдохнуть —
В этот край,
Где целебные струи нарзана
Наполняют здоровьем
Усталую грудь.
Что в себе затаили
Могучие горы,
Все для стройки возьмет
Молодая страна:
По ущельям твоим
Загрохочут моторы,
Буйных рек твоих сила
Будет им отдана.
О былом подневолье,
О скованной песне
В сотый раз мы слушаем
Горький рассказ.
И про жизнь, что на свете
Не сыщешь чудесней,
Мы расскажем тебе,
Величавый Кавказ.

1934 г.

ОКТЯБРЬСКАЯ ПЕСНЯ ИВАНОВСКИХ ТКАЧЕЙ

На большом параде
Ок-тя-бря
Запылали флаги,
Как заря.
Звуки наших песен
Го-ря-чи...
Красного Манчестера
Мы ткачи.
Будут наши ткани
Пер-вый сорт.
Этажами зданий.
Город горд.
Много сил чудесных
Для труда
Нам несут ИвГРЭС'а
Провода.
Голубых окраин
Ти-хий сон
Звонами трамвая
Разнесен.

До колхозных пашен
За ле-са
Долетают наши
Голоса.
Рассыпают марши
Мед-ный дождь...
А на смену старшим
Молодежь,
Счастьем жизни новой
Ши-ро-ка,
Встала за основы
У станка.
Но когда ударит
Гроз-ный час,
Командир, товарищ
Даст приказ.
От цветного ситца,
От ма-шин
Выйдем на границу,
Как один!

1934 г.

ВЕЧЕРА

Их позабыть никак нельзя.
Настанет час, и, смотришь, снова
Они приходят как друзья,
Чтоб о себе промолвить слово.
Поставят длинный ряд картин,
Любуясь ими сколько хочешь.

.
...В квартире бедной я один
Сижу до поздней-поздней ночи,
В чаду коптилки чуть видна
Страница.
Стих плетется вяло.
В углу с ребенком спит жена:
К стене примерзло одеяло.
Народ — вповалку на полу.
Заботы дня пока заснули.
Но чуть гудок прорежет мглу —
И зашумел квартирный улей.
День скроет бледный образ свой,
И — снова сон.
Сегодня то же,

Что и вчера...
Не так ли схожи
Две капли влаги дождевой?
Получка.
Здравствуй, мать-получка,
Краса копеечных квартир!
Бросай тетрадку, самоучка!
Объединен подвальный мир.
Слова — потоки, песни — ветер...
Погибни, царский четвертак!
За всю культуру здесь в ответе —
Бутылка водки
И трепак...

.
Пожалуй, хватит на сегодня,
Прощайте, гости-старики...
Стоит прекрасная погода —
И весел взлет моей строки.
За переплетом плотных окон
Холодный месяц бледнолиц,
А на поля моих страниц
Струится лампа белым током.
Тепло. Светло. Рабочий стол.
Сижу.
Поет подруга-книжка,
Пока из вуза мой сынишка —
Мой краснощекий не пришел.

1935 г.

СТАХАНОВЦАМ

Январский вечер
Темногубой
Огни и звезды
Поднял над собой,
Над говорливым городом.
Огнями
Дома перекликаются с домами,
Дорогой светлой
Весело идти.
Мильоном искр
Ложатся на пути
Серебряные, синие снежинки.
Сплошной зарей
Горят цеха «Дзержинки»,
И фонари
На полотне двора
Огромные качают веера.
Она растет —
Волна железной речи,
Она плывет,
Она летит навстречу.

И вот я обнят
С четырех сторон
Ритмичным гулом
Тысяч веретен!
Отряды шпуль —
В готовности, в порядке.
Добротной нитью
Хвалятся початки,
Что были глыбой
Хлопковой вчера;
Их буйным вихрем
Крутят ватера.

Вы смело вышли
В путь соревнованья.
Быть впереди —
Прекрасное желанье,
Взять от машины
Все, что можно взять,
Среди отличных
Самым лучшим стать.
Пройду ли мимо
Ваших достижений,
Не зная сердцем
Радостных волнений,
Что будут дни
Все ярче и полней,
Все крепче воля,
Потому что в ней,

Как время наше
Молодо и ново,
Горит живое
Сталинское слово!

И в эту ночь
Я долго не засну.
Ночь приведет
Подругу-тишину,
А с ней — работу
Близкую, родную,
И допою я
Песнь мою простую:
О лучших людях
В нашей стороне,
О незакатном солнце,
О весне.

1936 г.

ВРЕМЯ

Ткачихе Дусе Виноградовой

I

До зари станки забьют тревогу
За стенами корпусов;
Поплетутся в долгую дорогу
Стрелки медленных часов.

Рвутся нити, то и дело никни
Грудью жаркой к полотну.
Не засмейся, не присядь, не крикни
В громовую эту тишину.

Не забудь, что где-то из засады
Смотрит табельщик, как вор.
От него не жди себе пощады —
Штраф, и кончен разговор.

Он — начальство,
Он нахмурит брови,
Карандаш он вынет не спеша...
Звали вслух его Илья Петрович,
Заглаза — продажная душа.

Не ссылайся на гнилую пряжу,
Виноватых не ищи.
Всякий брак тебе на плечи ляжет, —
Не простит ехидный браковщик.

Ходят стрелки, мечутся батаны,
Пухом одевается станок.
На полу в недопитом стакане
Помутнел «бесплатный» кипяток.

Тяжела хозяйская водица.
От сухого хлебушка с водой
Не могли мы в юности гордиться
Ни красотой, ни силой молодой.

II

Но время не медлит,
Оно не скажет:
«Пора мне уйти на покой».
Оно не заснет на мгновение даже.
И вот уже мир
Перед нами другой.

И вот уже нет ни больших ни малых
Властителей,
Бурей сметен их след.
Земля расцвела в лучах небывалых,
Земле восемнадцать лет.

Дела и стремленья,
Что прямы и честны,
На нашей земле не забыты ничьи,
В мире овеяно славой чудесной
Ваше имя,
Герои-ткачи.

В те дни, как Донбасса
Шахтер знаменитый
Упрочил победу упорной борьбой, —
Ты смело пошла по дороге открытой,
Две сотни станков закрепив за собой.
Разумную им отдала ты заботу,
Согрела искусством простую работу.

Там нить порвалась,
Замолчал автомат,
Но ты и тогда не изменишь маршрута:
Размерен твой шаг,
На учете минута.
По тропам знакомым —
Ни шагу назад!

Не бросит «начальство» угрозы холодной,
Чужая в упор не нахмурится бровь.
Легка твоя поступь,
• Движенья свободны.
А сердцу, как песня,
Как молодость, сродны
Широкие мысли, большая любовь.

Росла ты в рабочей семье, в комсомоле
Окрепла. И вот — сбылися мечты:
На это цветущее шумное поле
Глядишь полновластной хозяйкою ты.
Умелые руки
Спокойны в работе.
Наполнены дни урожаем полотен;
Пора изобилья
Близка впереди.
Тобою как лучшей
Отчизна гордится.
По-дружески просто
Из Красной столицы
Ткачиху приветствуют наши вожди.

И к новым победам
Путем проторенным
Идут за тобою героев колонны.
И я бы хотел по-иному запеть,
Чтоб слово стиха
Серебром зазвенело,
Чтоб песня слагалась
Искусно и смело,
Как ты научилась станками владеть.

1936 г.

НАШ ГОРОД

Много блеска у майских высот,
Но у города больше красот;
Город ситца широк и богат:
Трубы с тучами вровень стоят,
Необъятны его корпуса,
Многозвучны машин голоса.

По просторным цехам я иду,
Их работа на полном ходу:
Разноцветный сатин предо мной
Зацветает, как поле весной,
Льются метры тугих миткалей,
Серебристого снега белей.

Я встречаю, как близких своих,
Знаменитых прядильщиц, ткачих,
Чьи прославленные имена
Повторяет с любовью страна,
Чьи победы отсталых зовут
На высокий стахановский труд.

Любо вечером после станков
Слушать ласковый голос стихов.

За окошком заря все бледней.
Я склоняюсь к тетрадке моей,
И нежданная рифма легка,
И встает за строкою строка.

Снова золото дня надо мной.
Захватил меня город родной;
Я плыву в говорливой волне,
Сотни лиц улыбаются мне:
Пусть на плечи ложатся года, —
Жизнь прекрасна, душа молода!

1936 г.

СТРОЙКА

Еще в лесах, красу тая,
Гигант подходит под стропила.
Слободка тихая моя
Его любовно обступила.
Рабочий домик молодой
И полусгнившая лачуга
Его встречают всей душой,
Как гостя лучшего и друга.
Над ним синеют небеса,
Проносит гром свои раскаты;
Над ним работы голоса
Смолкают только на закате.
И уж близка его пора,
Когда леса с последней дрожью
Падут по воле топора
К его бетонному подножью.
Открытый с четырех сторон
Ветрам крылатым и просторам,
На всю округу взглянет он
Многооконным ясным взором.
И хлынет армия ребят

В его сверкающие залы,
Как стаи птиц в зеленый сад
Летят, купаясь в зорьке алой.
За книгу сядет детвора —
Народ задорный и веселый.
Дорогой счастья и добра
Их поведет родная школа.

1936 г.

УТРО

Паше Благовой

Погожий день встает над нами.
Какое утро! Благодать!
Простой привет ему стихами
Невольно хочешь передать.

В душе звенит неотразимо
Певучий голос первых строк.
Не пробежит без ласки мимо
Июньский теплый ветерок.

Но может быть не солнце это
Живет во мне и надо мной,
А слово каждое согрето,
Моя любимая, тобой?

И нежно так не потому ли
Дыханье ветряной струи,
Что на меня сейчас взглянули
Глаза счастливые твои?

1937 г.

ВЫХОДНОЙ

День лазурный встретить, как друга.
Будь хозяином досуга;
День зовет в недалёкий путь.
Хорошо в зеленом парке
Под сосновой темной аркой
В полдень жаркий отдохнуть.

По тропинке кудреватой
Выйди на берег покатый —
Голубая речка ждет;
И задумчивые ивы
Смотрят пристально в заливы.
Наклонясь до самых вод.

Слушай птички пересвисты,
Залюбуйся далью чистой,
Изумрудною росой,
На полях высокой нивой, —
И довольный и счастливый,
После вспомнишь отдых свой.

Этот день, сияньем полный,
Ветра ласковые волны
Оживут во мне, в тебе
Новым ростом, силой новой
За тисками, за основой —
В нашей радостной борьбе.

1937 г.

* * *

Ты побежден, суровый полюс,
И нет таинственных границ:
Уже не раз ты слышал голос
Железных краснокрылых птиц.
Через снега, что век не тают,
Не знают ласковой весны, —
Друг другу руки пожимают
Два великана — две страны.

1937 г.

ПЕСНЯ СТАРОГО ТКАЧА

Помню я, ребята,
Год великий пятый:
Встали мы грозою на господ.
Время это славное,
Время это давнее
Никогда в народе не умрет.

Кончена работа,
Вышли за ворота
Тысячи ивановских ткачей.
Их шаги громовые,
Голоса суровые
Потрясли хоромы богачей.

Не забуду Талку,
Где волною жаркой
Речи большевистские лились,
Где за жизнь народную —
Светлую, свободную —
До конца бороться мы клялись.

Годы миновали, —
Все свое мы взяли —

Наша вся Советская земля:
Дали безграничные,
Корпуса фабричные,
Щедрые колхозные поля.

Весел он и молод,
Наш рабочий город,
Этажами в небо вознесен...
Слушай, Талка, быстрая,
Песни голосистые —
Музыку станков и веретен.

Весел он и молод,
Наш текстильный город,
Фабрики шумят из края в край;
Фабрики-красавицы,
Что повсюду славятся
Тканями цветистыми, как май.

Если ж будет нужно
Взяться за оружие
Против иноземных палачей, —
Как один поднимется,
В бой последний ринется
Армия ивановских ткачей.

1938 г.

СТАХАНОВКА

(Песня)

Льется солнце прямо в окна
С голубой вершины дня,
Золотит мои полотна,
Смотрит с лаской на меня.
Я станки держу в порядке,
Верен каждый мой прием:
Все основы и початки
Станут добрым миткалем.

День рассчитан по минутам,
За работой любо мне:
Виноградовским маршрутом
Овладела я вполне!

Как же мне не быть веселой,
Не учить своих подруг —
Мне стахановская школа
На работе лучший друг.
Под рукой моей привычной
За куском растет кусок.

Я узнала на «отлично»
Весь до винтика станок.

День рассчитан по минутам,
За работой любо мне:
Виноградовским маршрутом
Овладела я вполне!

Жизнь открыла перед нами
Небывалые пути;
Я — ткачиха — за станками
Буду крепнуть и расти,
Чтобы в праздник на параде
О победах новых петь,
Чтобы высшую награду
Мне от родины иметь!

День рассчитан по минутам,
За работой любо мне:
Виноградовским маршрутом
Овладела я вполне!

1938 г.

* * *

Пускай седеет волос —
На свете есть друзья,
И первый — наше время,
Второй — любовь твоя.

С такими не устану
Минутой дорожить,
С такими я друзьями
Две жизни рад бы жить!

1940 г.

* * *

Мы идем за городом далеко,
По дорожке, солнцем залитой,
А кругом раскинулся широко
Океан пшеницы золотой.

Все затихло в зное ароматном,
Замерли колосья и цветы:
Кажется, что в мире необъятном
Никого нет — только я и ты.

1940 г.

РОДИНА

Гул заводский, тракторы, комбайны,
Ширь степная, реки и поля...
Не обнять дорог твоих бескрайних,
Родина чудесная моя.
Ты богата сушей и морями,
Ты сильна семьею трудовой,
Ты не раз встречалась с врагами,
Побеждала в схватке боевой.
Вор полночный под окном стучится,
За хозяйский ломится порог,
Родина, тебе ведь не учиться
Бить врага и вдоль и поперек.
Хочет он назвать тебя рабою,
Бредит он погибелью твоей.
Собирай давно готовых к бою,
Закаленных, смелых сыновей.
Угости по совести, как надо,
Чтобы мог запомнить до конца
Смертный жар советского снаряда,
Меткость большевистского свинца.

. 1941 г.

ДОБРЫЙ ПУТЬ

Снова город фабричный
Шумит, как прибой,
О гранитную грудь берегов.
Батальоны ткачей
Собираются в бой
На заклятых народных врагов.
Ощетинясь штыками,
Проходят бойцы,
С ними песня — подруга побед.
Наряду с молодыми
Шагают отцы —
Ветераны прославленных лет.
Их дела не забыты,
Их слава живет
На просторах советской страны,
Их растил величавый
Семнадцатый год
Под грозою гражданской войны.
Их в походы водил
Сам Чапаев-герой,

С ними Фрунзе громил Колчака,
И сейчас перед черной
Фашистской ордой
Не изменит винтовке рука.

Рвется к нашей Москве
Оголтелый палач...
Не сломить ему силы стальной!
Встанет вместе со всеми
Ивановский ткач
На защиту столицы родной.

Добрый путь вам, ивановцы!
Бейте врага!
Отомстите за жен и детей,
За колхозные села,
За наши луга,
За красу городов и полей!

Отомстите за все,
Что злодей загубил,
Сторожите на каждом шагу,
Чтобы, кроме земли
Для презренных могил,
Ничего не досталось врагу!

1941 г.

ПОЭТУ-БОЙЦУ

Мих. Дудину

Мой друг, о тебе вспоминаю, любя:
Простым и веселым я знаю тебя.
Минувшее наше, товарищ-поэт,
Храню я на сердце, как первый привет.
В тревогу военную, в грозные дни
С собою понес ты желанья одни:
Свободной отчизне служить до конца
И словом поэта, и пулей бойца.

Бессонное море гудит в берега,
И бешено воют снаряды врага,
Но зорко глядят за родную черту
Защитники Ханко на славном посту;
Их доблесть не склонится перед бедой,
Ты ими гордишься, мой друг молодой,
Ты с ними, товарищ, становишься в ряд,
Стихи боевые о них говорят.

И прошлому память поэта верна,
К тебе издалека приносит она

Знакомые лица, покой вечеров,
Такое родное звучанье стихов;
Ты помнишь тепло задушевных речей,
Тебе вспоминается город ткачей,
И домик приветливый возле реки,
И в час расставанья пожатые руки.

Мы крепкую дружбу везде сбережем:
В работе упорной, в огне боевом.
За дружбу идут миллионы людей,
Ее и железом не сломит злодей.
Пусть море бушует и буря ревет —
Мы знаем одну лишь дорогу — вперед:
Кровавой обиды врагу не простим,
За все мы отплатим, за все отомстим!

1941 г.

КРАСНАЯ АРМИЯ

I

Не будет того,
Чтобы в жарких боях
Ты нашим врагам уступила!
Стоит за тобою
Отчизна твоя —
В борьбе закаленная сила.

Богатства ее
Не измерить вовек,
Словами не высказать славы:
Здесь право на труд
Заслужил человек,
На отдых священное право.

Ты лучший на свете
Закон бережешь,
Единый закон нерушимый...
Тебе свои чувства несет молодежь,
Как матери нежно любимой.

Тобою полны миллионы сердца,

Их верность не знает предела,
Геройством и доблестью
Сына-бойца
Гордится отец поседелый.

Разгар трудовой
Не остынет в груди —
Мы знаем, что в ясные дали
Мудрейшие в мире
Народов вожди
Дорогу тебе указали!

Оружие наше
В надежных руках —
Всесветным злодеям на горе!
Оно не пропустит
Врага в облаках,
Найдет на земле и на море!

Где яркие звезды
Твои зацвели,
Где песни твои зазвучали,
Там вольно вдохнули
Просторы земли,
Там люди счастливыми стали!

II

Ты народом великим
На свет рождена,

Крепкой силой тебя
Наградила страна,
Указала прямые
Дороги в борьбе,
Боевое оружие
Вручила тебе.

В полуночную тьму,
Не смежая ресниц,
Ты стояла у наших
Священных границ,
Поступь недруга
Слышала издалека,
На удар отвечала
Ударом штыка.

За тобою колхозные
Нивы цвели,
За тобой создавались
Богатства земли,
Поднимались заводы,
Росли города,
И приветствовал Сталин
Героев труда.

Силы черные хлынули
С запада к нам.
Дым пожаров плывет
По родным небесам,

Над печалью отцов,
Над слезами детей
Измывается пьяный
Немецкий злодей.

Белорусь — под ярмом,
Украина — в огне...
Но недолго бандитам
Гулять по стране:
Ты не можешь простить,
Ты идешь, как гроза,
Ты в бою не отступишь
Ни шагу назад!

Дальше, дальше — на запад!
Вперед и вперед!
Будут помнить фашисты
Восточный поход...
Пусть грохочет
Свинцовая наша пурга,
Чтобы счет потеряли
Могилы врага!

1941—1942 гг.

СТИХИ О ДРУГЕ-ПОЭТЕ

— У тебя знакомых полон город
И десятки молодых друзей.
Я, конечно, далеко немолод
И не первый в памяти твоей.

Слышу — отпуск у тебя короткий:
Не объехать всех, не обойти,
А к тому же — до моей слободки
Не легли трамвайные пути.

Думал я и так, что за разлуку
Остывают иногда сердца...
Но пришел ты и пожал мне руку,
И обнял любовно, как отца.

Ты, привыкший к боевым тревогам
И к ночам без отдыха и сна,
Рассказал мне — по каким дорогам
С первых дней вела тебя война.

Грудью в грудь встречался ты с врагами,
Трудные походы перенес...
Строгими, как наши дни, стихами
Растревожил ты меня до слез.

ЭПОПЕЯ II

Я уверен, что снова увижусь с тобой.
Скоро, скоро смертельный закончится бой.
Ты не в отпуск короткий приедешь
тогда —
Ты вернешься на долгие дни, на года.
Будет радость подругой надежной тебе,
Будешь петь о свободной счастливой
судьбе;
Как дыханье весны, в города и поля
Полетит легкокрылая песня твоя.

1943 г.

НАСЛЕДСТВО

В даль веков поглядишь —
Перед взором пройдет старина:
Богатырская Русь,
Боевая мужицкая сила;
Тяжкий меч и копье
На врагов поднимала страна,
На просторных полях
Чужеземную нечисть косила.

Золотые страницы
В историю нашей земли
Для потомков далеких
Вписали отважные деды:
Нежеланные гости
Бесславную гибель нашли,
Ни обманом, ни силой
Они не добились победы.

Наших дней небеса
Полыхают свинцовой грозой:
Топчет землю родную
Насильник со свастикой черной.

Но не сломлен народ —
Сохранил он в душе молодой
Славных дедов наследство —
Отвагу и дух непокорный.

Их горячая кровь
Льется в жилах советских людей,
Не остудит ее
Никакая на свете кручина;
Эти силы узнала,
Изведала шкурой своей
Стая подлых громил,
Налетевшая к нам из Берлина.

Нет! Не звать нас рабами
Немецким баронам вовек!
Наше сердце не дрогнет в борьбе,
Наши выстрелы метки,
Наша родина в битву идет,
Как один человек,
Как за вольность свою
Воевали великие предки.

1942 г.

АЛЕКСЕЙ ЛЕБЕДЕВ

Пишу эти строчки о друге хорошем,
О славном моем земляке.
Мне кажется: будто вчера я с Алешей
Встречался в родном городке.

Он в отпуск приехал, питомец
Балтфлота,

Поэт, лейтенант молодой.
Ждала его дома любовь и забота,
Привет материнский родной.

Ко мне приходил он, делился мечтами.
Любимые строфы читал:
В них мерный прибой говорил с берегами,
Алмазную пыль рассыпал.

И буря волной омывала утесы,
Линкоров стальные бока,
И песни походные пели матросы,
Готовые встретить врага.

Любил он бескрайные моря просторы,
Матросский красивый наряд,

В борьбе закаленный, прославленный
Одетый в гранит Ленинград, город,

И вот — не увижусь я с другом хорошим,
Родных не проведает он:
В жестоком бою краснофлотец Алеша
Немецкою пулей сражен.

Кто знал его близко, тот разве посмеет
Сказать, что сробел он в бою:
Он смерти навстречу пошел, не бледнея,
За жизнь, за отчизну свою.

Носил он в груди непокорное пламя,
Упорную волю бойца:
Стихи и винтовку считал он друзьями
И верен им был до конца.

Как день золотой, засверкает победа
Немеркнущим ярким огнем:
Мы имя поэта, мы песни поэта
В душе навсегда сбережем.

1942 г.

МИЧУРИНЦУ Е. И. ШУШИНУ

Тебе, мой друг, достался путь
счастливый —
Кругом цветут плоды твоих трудов:
Твои питомцы — яблони и сливы
Сегодня стали гордостью садов.

Больших дорог не мерять мне на свете,
Больших удач достигнуть не дано;
Я буду счастлив, если строчки эти
Собой согреют сердце хоть одно.

1943 г.

ПРЯЖА

В могучих, пылающих горнах
Военная дышит пора.
Мне тонкая пряжа покорна,
Послушно шумят ватера.

Следила я зорко за ними,
Следила и ночью и днем;
Заветное, близкое имя
Хранила я в сердце моем.

Короткие письма читала,
Мечтала — увидимся вновь;
В добротную пряжу вплетала
Мою молодую любовь.

Беда не прошла стороною —
Горою легла на груди,
Вся правда сегодня со мною:
Ни писем, ни друга не жди.

Согнусь ли от горькой разлуки,
От этих неласковых дней?..

Работайте, крепкие руки,
Работайте вдвое быстрее!

О нем, о родном, вспоминаю:
Он пал за свободу и честь,
В добротную пряжу вплетаю
Мою справедливую месть.

1943 г.

ВЕРА МЯЛОВА ¹

I

Минувшие годы на миг вернем,
Чужой переступим порог.
...На Новой улице крепкий дом,
И сад позади широк:
За тыном густая шуршит сирень,
К речушке шагнул огород.
Богатый лучами июньский день
По клумбам сиянье льет.
Заливистый лай кудлатого пса,
Гусиный, куриный гам,
Покуда заря не уйдет в леса,
Пока не потухнет там.
А только рассветная глянет пора,
На сочные берега

¹ В. Н. Мялова — ивановская ткачиха, участница революционной борьбы 1905 г. Сейчас работает на фабрике им. рабочего Федора Зиновьева. Тов. Мялова награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Две «ярославки» несут со двора
Крутые свои рога.

Хозяин —

Весь век не послужишь ему.

Потомство —

Прожорливый рой.

Хозяйка —

За каждую тряпку в дому

Готова стоять горой.

Глазами залезет в любую щель,

Острей не сыскать языка.

И все на учете: от жидких щей

До кислого молока.

Служанка проснется — едва рассвет.

Служанка должна служить.

Служанке всего лишь

Тринадцать лет,

Но голод научит жить.

Хозяйские дети — постылый хомут;

И куры, и гуси, и печь —

Не думай, не жди — никуда не уйдут

От проданных этих плеч.

«Верунька, на клумбы воды не жалей!

Как ветер, лети на базар.

Эй, Верка, заснула? Шагай веселей,

На стол станови самовар...»

Гудят приказы на все лады,

Торопят до поздних звезд.

Когда бы дневные измерить следы, —
Легли бы десятки верст.
Минутку промешкай — гроза, беда:
Мещанский нрав не простит.
Кто знает, грустит ли она когда...
Быть может, во сне грустит?..

А время бежит, и нет на земле
Преграды ему никакой.
Работала Вера в одной кабале,
Пока не нашла другой.
Стоглазое зданье.
Потоки ремней,
Основ нетающий снег.
Колес перезвоны...
И столько друзей,
Что хватит на целый век.
Из тесной лачуги пойдёт за станок, —
В поселке не видно ни зги,
Но здесь же протопают тысячи ног,
Ее повторив шаги.
Сосед отзовется на редкий смех
И горе до дна поймет.
О хлебе забота одна у всех,
Один за плечами гнет.
Сходились девчата, когда досуг
Сменял суетливость дней;
Сараева Саша из тех подруг

И ближе была и родней.
Бродили за городом, лес да трава —
Свидетели долгих бесед.
Листовок запретных шептали слова
О жизни, какой еще нет.
О жизни, какая родиться должна
Из бури, в крови, в огне.
Она, эта жизнь,
Как воздух, нужна
Закованной в цепи стране.

II

Сверкает над городом день золотой,
Но город как будто заснул;
Не льется над ним, над его рекой
Фабричный протяжный гул.
Напрасно вокруг рассыпали гудки
Призывные голоса:
Ткачи позабыли свои станки,
Ткачи не пришли в корпуса.
Грызет фабриканта бессильная злость,
Зубами скрипит купец:
«Как это случилось?
Откуда взялось?
Иль миру настал конец?
И хлеб не в запрете,
И соль дешева,
И каждому дело свое...

Нет! — Выросла в поле худая трава,
Так вырвем с корнями ее».
Встревожилась армия долгих ряс:
— «Неправда затмила свет:
Что значит такое —
«Рабочий класс»? —
Бездонный источник бед».
Стучат по камням опорки пройдох,
И голос пропойный скрипит:
«На нас многогрешных
Разгневался бог,
Забыли мы совесть и стыд.
Крамольники сети свои плетут,
Законы повергли во прах.
Пусть будет немилостив божий суд
И меч в державных руках».
А людям хотелось
Уйти, убежать
От жизни, где холодно жить,
Где было дозволено
Только молчать.
Да тяжкие цепи носить.
Видеть хотелось
Другую судьбу,
Чувствовать воздух иной...
Партии голос
Звал на борьбу,
Голос понятный, родной.

Как на праздник, спешили ткачи
На Талку в июньский день:
Ласкали ветра, обнимали лучи,
Манила сосновая тень.
Сливались сердца
С речами вождей,
С песней борьбы и труда.
Не было слова
Призывней, теплей,
Чем слово «товарищ» тогда.
Город знакомый —
Не прежний, не тот:
Снуют полицейские власти;
Жизнью тревожной
Бушует, поет
Город, расколотый на две части.
В «думе» купцы —
Монархисты сплошь —
Сон позабыли от злобного лая;
На Талке — Рабочий Совет, молодежь,
Фрунзе, Дунаев, семья трудовая.
Власть богачей штыками сильна,
Плетью орудует,
Саблями машет;
Нам защитой была одна
Правда суровая наша.
Пусть безоружными
Шли мы на бой, —

Все же победа осталась за нами:
Разве погасишь силой какой
В сердце, борьбою зажженное пламя!

III

Осенний город орет, гремит.
(Тесна городская тюрьма).
Несет мостовая толпу громил,
В испуге дрожат дома.

Над словом «товарищ»
Повис запрет.
Криво качается
Царский портрет.

Кажется — «он» намечает путь,
Глазом поводит волчьим:
Силу в погромщика хочет вдохнуть,
Крылья обрезать рабочим.

Нет преграды для дикой волны,
Пышут огнем волосатые рожи.
Квартиры евреев разгромлены;
Сломано все до столовых ложек.

«Боже, царя...» раздается окрест.
Стекла навывлет... книги на ключья...
И, как издевка, кричит манифест:
«Даруем свободы... и прочая».

Сам Куражев¹ от радости пьян,
Вышел из дому —
Торговец знатный, —
Встал, ухмыляется, —
Бел и румян,
Словно пирог крупчатный.
(Ломятся склады его от муки;
Знать, не обидела милость господня!)
— «Бейте «политику», ломовики!
Будет вам, будет на водку сегодня».

Флаги трехцветные режут глаза,
Хоругви соборные взмыты.
Городовые грузят на воза
Раненых и убитых.
Глухо волнуется Щаповский двор,²
И на трибуне ткачиха Вера.
Голос не дрогнет:
«Стыд и позор
Тем, кто слову продажному верит.
Черной сотне — достойный ответ:
Ненависть наша
Без меры, без края...
Помните Талку,

¹ Хлебный оптовик, миллионер.

² В 1905 г. т. Мялова работала на фабрике Щапова.

Рабочий Совет,
Правды великой
Негаснувший свет
Дальше несите, страха не зная.
Слышите: празднует подлый сброд
Праздник разбоя..
Победа ли это?..
Время наше еще придет:
Сильный и смелый
Рабочий народ
Скажет врагам:
«Ваша песенка спета».

IV.

Свинцовые грозы остались вдали,
Развеян пожаров дым.
Банкирам и панам своей земли
Ни пяди не отдадим.
Гордилась и будет гордиться страна
Победами дней молодых.
Мы знаем героев своих имена,
Мы любим героев своих.
Почетное имя —
Высокий пример.
Герои встают на посты.
Был чернорабочий, теперь инженер
И строит стальные мосты,
Электрогиганты, комбайны, суда,

Заводы, поля без межи,
В степях молодые растит города,
Свои бережет рубежи.
По звучным кварталам
Печатных страниц
Проходит немало
Прославленных лиц.
И город, откуда во все концы
Добротный везут текстиль,
Где славились фирмы,
Гремели купцы,
А ткач не бывал в чести, —
Наш ситцевый город сегодня богат
Героями от станка.
Сыновняя слава становится в ряд
Со славой отца-старика.
Не прежнюю песню про горе-нужду
Ткачиха сегодня поет:
Она у великой страны на виду,
Работнице всюду почет.
По звучным кварталам
Печатных страниц
Проходит немало
Прославленных лиц.
Проходят герои минувших боев,
Заводов, полей сыновья.
Работница Вера,
Здесь имя твое,

Вся жизнь трудовая твоя:
На Новой улице крпкий дом,
Чужой до последней доски,
И дружба,
И близкие сердцу потом
Запретные эти листки.
Мятежная Талка,
Рабочий Совет.
И Щаповский страшный двор,
И вдруг за неволей
Желанный рассвет, —
Октябрьский без края простор.
Еще недобитый
Упорствовал враг,
Грозил, становясь поперек.
Но ты не свернула. хотя бы на шаг
С прямых
Большевистских дорог.

V

Что скрывать большую эту радость
От друзей по песне, по борьбе?
Пусть она и голосом и взглядом
Говорит открыто о себе.
В жизни ранней радости так мало, —
Без свободы где ее добыть?
Не борьба ли сердцу помогала
Молодость тревожную любить?

Не измерить словом, сколько силы
Дальняя дорога отняла:
За полвека жизнь перевалила,
На лице морщинами легла.
И сейчас не просто от досуга
Прошлomu засмотрится в глаза, —
Хочет Вера
Молодым подругам
О неволе горькой рассказать.
Рассказать,
Да так, чтобы сердцами
Поняли, постигли те года,
Чтоб казалось —
Будто жили сами,
Подрастали, мучились тогда.
«Жизни сеть, где бились мы, как птицы,
До последней крепки порвалась.
Нужно так работать и учиться,
Как зовет нас партия и власть.
Этих дней горячее дыханье
Не остудим ленью ледяной,
Чтоб хозяев гордое название
Оправдать перед своей страной...»
К сердцу близко льнет живое слово
И надолго остается там.
Слушают товарища Мялову
Девушки, подруги по станкам.
И в работе — быстрая такая —

С молодыми встала наравне:
От подруг своих не отставая,
Ткет полотна белые стране.

* * *

Ты на орден заслужила право.
Он любовью родины согрет.
За работу честь тебе и слава,
За борьбу от всей души привет!
Пусть живет
Твоя большая радость —
Светлая, добытая борьбой —
Времени высокая награда,
Праздничная песня над тобой!

1935 г.

С А Д

(Поэма в миниатюрах)

I

Много дней работал я на славу,
Песни пел, мечтая и любя:
Зацветет смородиной кудрявой
Этот скромный садик для тебя.
Будет солнце, будет ветер юга
Молодые нежить деревца...
Выходи, любимая подруга,
Прямо в зелень свежую с крыльца.

II

Мы с тобой одногодки, мы рядом росли,
Мы два детства тропинкой одной пронесли.
Наша юность за временем еле видна:
Точно иней блестит в волосах седина.
Сколько раз расцветали деревья в саду,
Желтый лист осыпали у нас на виду,
А сегодня — от жизни такой молодой —
Забываются годы и волос седой.

III

Почернели влажные пригорки.
Завладел слободкою апрель.
За стеной колес скороговорки
И скворцов веселая свирель.
Дни бегут, работа на пороге:
Над землей опять возьму права,
Чтобы в сад забыла все дороги
Злая гостья — сорная трава.

IV

Скрылись тучи. Запад розовеет.
Влажный воздух от реки плывет,
То прохладой ласковой овеет,
То теплом неожиданным обоймет.
Сколько неги в предзакатном свете,
Комариной резвой толкотни!
По старинной верится примете,
Что начнутся ведреные дни.

V

Мичуринских яблонь красавицы-кроны
Цветут в доморощенном нашем саду
И, кажется, голосом веток зеленых
Поют благодарную песню труду.
Мы знаем усталость, стареем с годами,
Но в жизни счастливой еще поживем

И с яблонь кудрявых своими руками
Не раз и не два урожай соберем.

VI

— Отчего я весел? — Ты спросила.
Я без слов смотрел в твои глаза.
Над слободкой тучу проносила
Первая весенняя гроза.
Многоцветной радугой играя,
Солнце выходило на поля,
И дышала, точно грудь живая,
Ливнем освеженная земля.

VII

В вечер майский ворочусь с работы,
Распахну окошко в белый сад,
На страницу чистую блокнота
Запишу, что мысли говорят.
Нелегко найти слова и звуки,
Знаю — песня родине нужна
Только та, что спета не от скуки,
Не холодным сердцем рождена.

VIII

Осыпают яблони белый свой наряд —
Лепестки снежинками на земле лежат;
Только нам не горестно, что умрут они —

Наше сердце радуют золотые дни:
Где тянулись к солнышку белые цветы,
Там малютки-яблоки смотрят сквозь
листья,
И когда по осени зажелтеет дол, —
Крупная антоновка ляжет к нам на стол.

IX

Знаю жизнь от самого начала,
Вижу всю до нынешнего дня —
И не помню, чтобы ты встречала
Взглядом неприветливым меня.
Есть в душе сравнение простое,
Для тебя другого не найду:
Так всегда приветлива весною
Молодая яблонька в саду.

X

Приходите, друзья, в знойный полдень
ко мне.
Хорошо в эту пору в моей тишине:
По зеленому садику тени легли,
Голоса городские заснули вдали.
Усажу я гостей под вишневым шатром,
Чтобы ветки шептались над полным
столом,
Чтобы спелые вишни смотрели на вас
Огоньками веселых девических глаз.

XI

Жила ты, помнишь, на Садовой, —
Умчались годы, как вода, —
С тобой, ткачихой образцовой,
Я познакомился тогда.
В знакомстве не было ошибки —
Довольны счастьем мы своим,
И о Садовой без улыбки
Мы никогда не говорим.

XII

Я знаю, что яблони эти
Недаром я буду растить —
В мой садик веселые дети
Охотно придут погостить.
Осыплют улыбками деда
В кудрявой душистой тени
И, яблок румяных отведав,
Мне скажут спасибо они.

XIII

На небе ни облачка. День — благодать.
В кудрявой малине тебя не видать.
На ветках пунцовые виснут сережки,
И песенка тихая льется с дорожки.
Пой громче, подруга любимая, пой!
За пройденный путь нам не стыдно с тобой:
Бесчестным трудом никогда мы не жили —
Мы право на отдых себе заслужили.

XIV

Пылает день под небом голубым,
 Горячей лаской землю обливая.
 А я домашним солнышком моим
 Тебя не в шутку часто называю.
 Настанет время — выюга запоет,
 Пойдет мороз по снежному простору...
 Ты, солнышко домашнее мое,
 Не охладеешь ни в какую пору.

XV

Заполнила домик вечерняя тишь.
 Ты с верной иглой за работой сидишь,
 Ивановский ситец шуршит под руками...
 Ко мне этот вечер пришел со стихами.
 Я крепко уверен в успехе твоём,
 Но счастья, удачи хочу я вдвоем:
 Пусть будут, как сестры, красивые
 строчки,
 Мои на бумаге, — твои на сорочке.

XVI

У ворот тебя я поджидаю,
 Все смотрю за быструю реку;
 По походке друга я узнаю
 На зеленом дальнем берегу.
 Твой платок малиновый замечу,
 Против сердца вновь не устою —

В сотый раз пойду к тебе навстречу,
Повторяя молодость мою.

XVII

Хлопочет осень в садике моем.
Рабочий шаг ее совсем не слышен,
Но яблони охвачены огнем,
И золото блестит на ветках вишен.
Она хозяйкой будет до конца:
Заботливо разденет деревца,
Чтобы заснули сном они здоровым
Под снеговым сверкающим покровом.

XVIII

Золотая пора не прошла стороной,
Не забудутся ласки природы родной.
Мы досуг отдавали речным берегам,
Васильки придорожные кланялись нам,
Под ногами трава осыпала росу,
Мы аукались звонко в далеком лесу,
Мы от солнца, от ветра, от синей волны
Запасли себе силу до новой весны.

XIX

Седые тучи хлопьями летят.
Задернут город пеленой тумана.
Пропой мне песню про зеленый сад,
Что рано цвел и осыпался рано.

Или — оставь, не трогай старины:
Пусть этот день лицом похож на вечер,
Но ведь и он дыхание весны
На целый день подвинет нам навстречу.

XX

Мы с тобой навек не одиноки,
Вся страна — сплоченная семья,
И богатства родины широкой
Охраняют наши сыновья.
Не померкнут сталинские весны:
От морей до Красного кремля,
Вся до края — садом плодоносным
Зацветет Советская земля.

1940 г.

СОДЕРЖАНИЕ

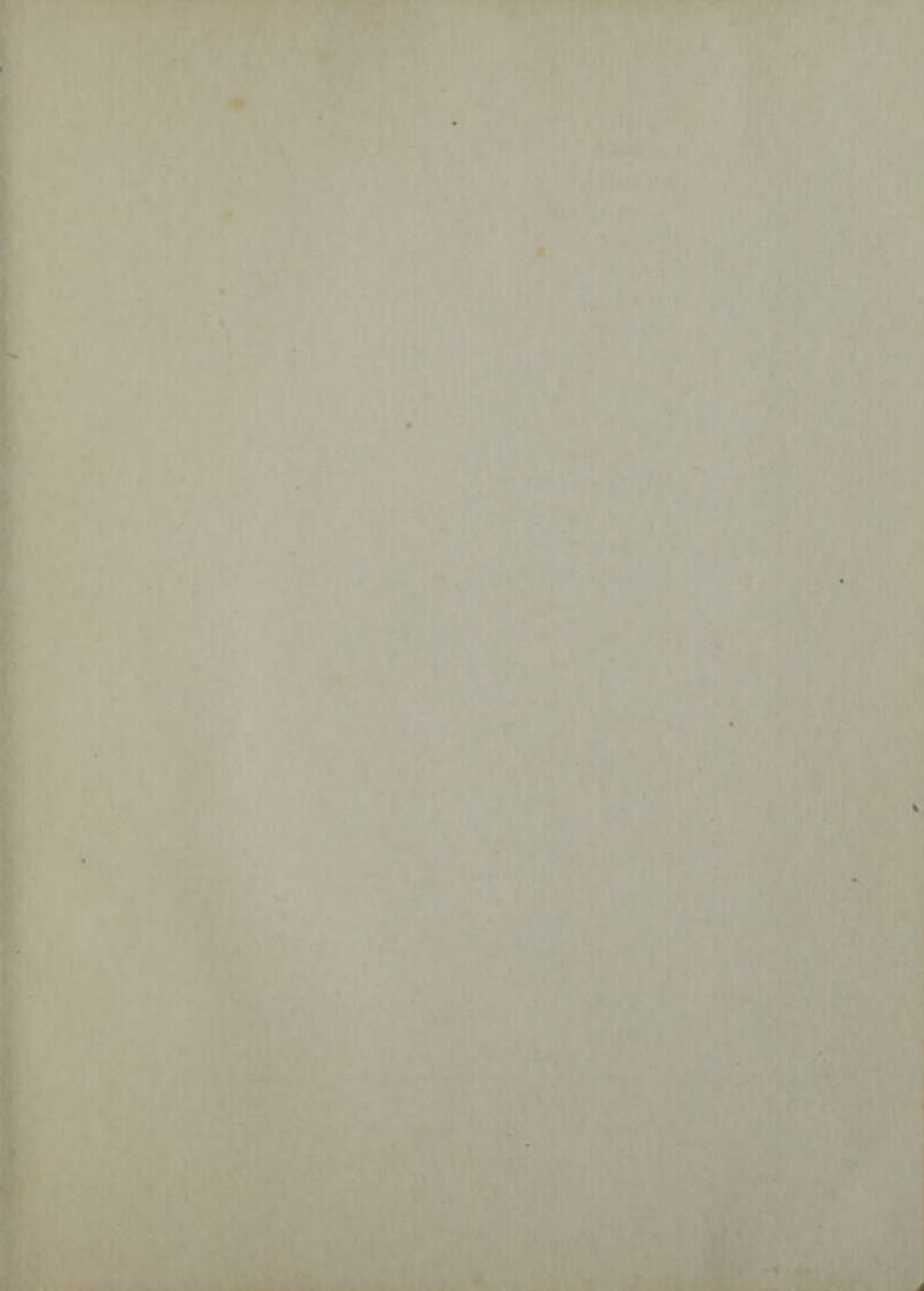
Поэзия А. Благова	Д. Максимов	3
Безработный		11
Стон ткачихи		12
Хозяин		14
От'езд		15
Ей		19
Любимому краю		20
Поэт-старик		21
Дружба		22
Думы за станками		23
Прядилка		25
Песня ткача		26
День отдыха		28
На фабрике		29
Вдали отраднo и светло		30
За машиной		31
Жене		32
Разгони случайную кручину		33
Под гитару		34
Сестра		35
На родине		37
Друзьям		39
Светлая дума		41
Соседка		43
Ровня		44
Поселок		45
Вопрос		47
Дом коммуны		49

Кавказ	52
Октябрьская песня	55
Вечера	57
Стахановцам	59
Время	62
Наш город	66
Стройка	68
Упро	70
Выходной	71
Ты побежден	73
Песня старого ткача	74
Стахановка	76
Пускай седеет волос	78
Мы идем за городом	79
Родина	80
Добрый путь	81
Поэту-бойцу	83
Красная Армия	85
Стихи о друге-поэте	89
Наследство	91
Алексей Лебедев	93
Мичурицу Е. И. Шушину	95
Пряжа	96
Вера Мялова	98
Сад	111

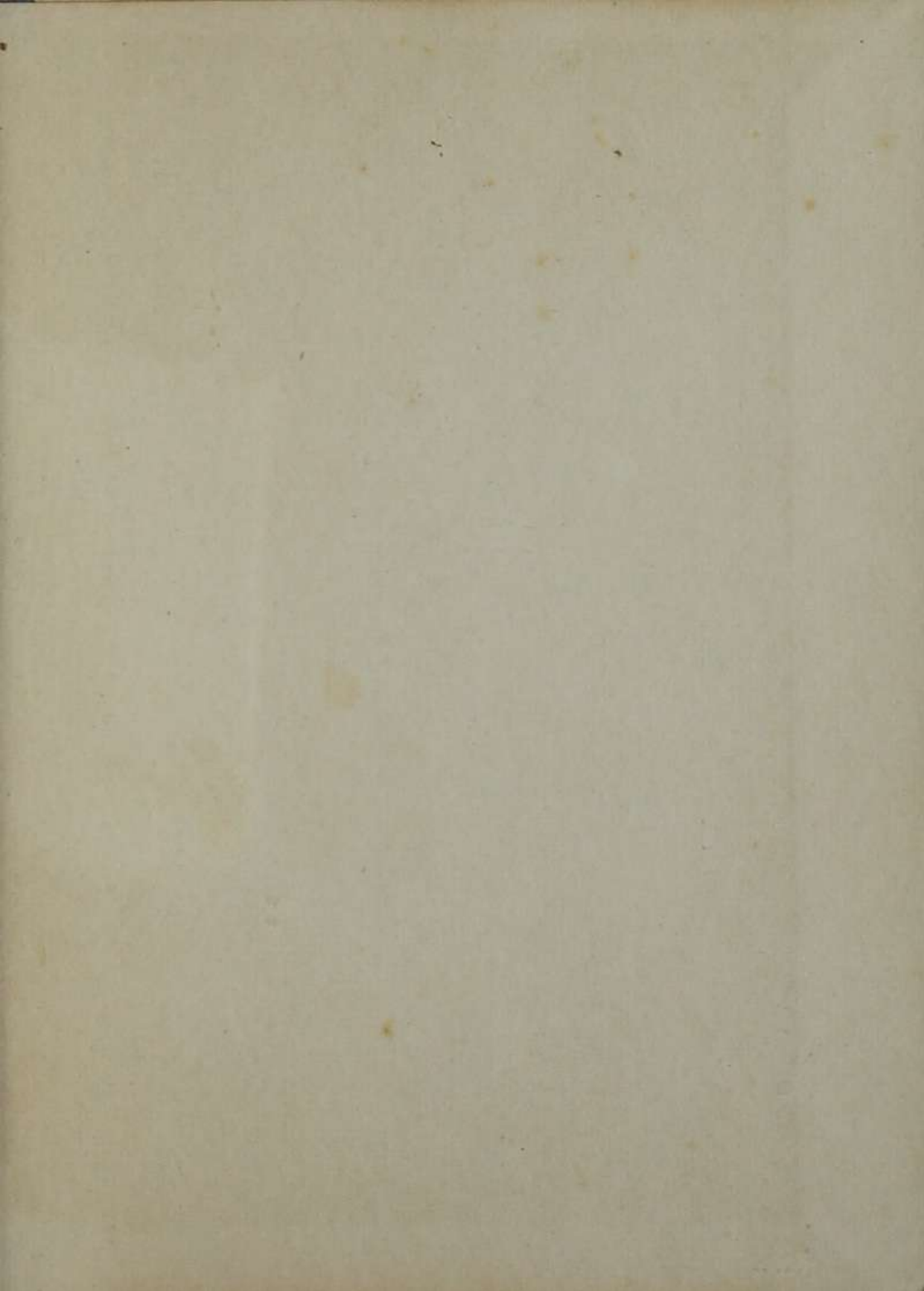
Подписано к печати 23.XII.1943 г.
 КЕ — 20802. Печ. л. 3¼. Уч.-изд.
 л. 3,1. Тираж 5.000 экз.

Цена 2 руб. 25 коп.

Типография изд.-ва облсовета деп.
 трудящ.. Иваново, Типографская, 4.
 Заказ № 6738.

10.291c

2 РУБ. 25 КОП.

